

В прошлый раз мы остановились на том, как Цзя Чжу перед самым уходом к Линям столкнулся у ворот с двумя братьями, прослышавшими о его добродетели и явившимися отблагодарить за давешнее вспоможение. Старший молодой господин, задумав взять их к себе в услужение, решил сперва испытать их верность и честность. Снарядив их в дорогу со специальным поручением, он со спокойной душой отправился в поместье Линей.

Прибыв на место, Цзя Чжу первым делом засвидетельствовал почтение Линь Хаю и Цзя Минь, после чего напрямик направился в задний сад, где располагался кабинет Шао Инлиня. Сююя там, к его удивлению, не оказалось. Он осведомился у хозяина кабинета, куда подевался его названный брат. Тот отложил книгу и со смешком припомнил:

— Сдаётся мне, наш молодой господин опять заперся у себя и изволит гневаться.

Цзя Чжу лишь недоумённо покачал головой.

— Пойду кликну его, — бросил он на ходу и поспешил к Сююю.

У вторых ворот он нос к носу столкнулся со Сюэлянь, старшей служанкой Сююя. Девушка шепнула, что её господин сейчас распекает слуг во внешнем кабинете. Цзя Чжу невольно усмехнулся и покачал головой: «Опять двадцать пять!» Он подумал, что бедняге Иньши достанется от хозяина на орехи чуть ли не каждые три дня — верно, в прошлой жизни тот задолжал Сююю кругленькую сумму.

Однако, переступив порог кабинета, Цзя Чжу обомлел. На кане сидел насупившийся Сююй с бамбуковой линейкой в руке. Подле него с самым невозмутимым видом стоял Иньши, мерно обмахивая барина узорчатым веером. А вот на коленях перед каном, глотая слёзы, стоял Юнфу. Юнфу то вытягивал ладонь для удара, то в страхе отдёргивал её.

— Я велел тебе вчера наизусть выучить стихи «Саньтай» и мелодию «Лючжоу гэтоу»! — гремел Сююй. — А ты сегодня и строчки связать не можешь! В одном лишь «Саньтай» сделал пять ошибок! Скажи на милость, заслужил ты трёпку или нет?

Юнфу, всхлипывая, еле слышно пролепетал:

— За... заслужил, господин...

«Странно, — подумал Цзя Чжу, дивясь про себя. — Сегодня-то почему не Иньши огребает, а Юнфу?»

Он потихоньку отвёл в сторонку другого слугу, Цзогэ, и шёпотом спросил:

— Что тут стряслось?

— Вчера молодой господин брал нас с собой в поместье принца Бэйцзина, — так же тихо ответил Цзогэ. — Там наследный принц устроил состязание среди слуг — кто больше стихов без запинки вспомнит. Наш Иньши всех обошёл и взял первенство, а Юнфу с позором провалился. Вот молодой господин и осерчал. Как домой вернулись — и побил его, и обругал, а теперь заставляет учить сызнова. Ошибётся хоть в слове — сразу линейкой по рукам...

Тут Цзя Чжу всё понял. Стало ясно, отчего у Иньши сегодня такой победоносный вид.

Он велел Цзогэ поднять плачущего Юнфу с колен, а сам обратился к Сюю:

— Полно тебе, братец, стоит ли из-за такой малости поднимать бурю с самого утра? Ну не дались мальчишке стихи спозаранку, так к вечеру он их точно вызубрит. К чему эти побои?

Сююй, однако, уступать не желал. Он всё ещё был явно недоволен.

— Чжу-эр, не покрывай ты этих бездельников! — сердито возразил он. — Слыхал ведь: «Коли чадо не учить — то отца вина, коли к чаду не строг — лень учителя». Коль провинились — должны отвечать.

— Да я и не покрываю, — мягко усмехнулся Цзя Чжу. — Я лишь прошу тебя умерить строгость. Посмотри на слуг в других домах: они и букв-то толком не знают, разве что цифры на ассигнациях разберут, как их ни верти — хоть вдоль, хоть поперёк. А твои мало того что грамоту разумеют, так ещё и стихи слагают, в изящной словесности толк знают! Грех тебе жаловаться. Зачем же с них три шкуры драть?..

Только после этих слов Сююй наконец сменил гнев на милость. Цзя Чжу увлёк его за собой, и они вместе отправились к Шао Инлиню. На том и оставим их на время.

Павильон Хэсянь

Тем временем двое братьев, получив наказ от Цзя Чжу, спешили с узлом «гостинцев» к загородному павильону Хэсянь. Они и не догадывались, что всё это — лишь хитроумная проверка, устроенная их благодетелем. В завязанном платке покоились вовсе не дары земли, а пятьдесят лянов серебра на дорожные расходы для даоса Ванчэня, два шёлковых облачения и кое-какая утварь. Но братья были просты душой и чужды корысти, а потому им и в голову не пришло заглянуть внутрь чужой поклажи.

Наняв повозку, они благополучно добрались до обители. Перед ними предстал новенький, с иголки, храм. На лакированной вывеске у входа красовались три золотых иероглифа: «Павильон Хэсянь», а пониже висела дощечка с надписью: «Сооружено тщанием дома герцога Ли». Так братья поняли, что это место к владениям семейства Цзя отношения не имеет. В

народе поговаривали, будто храм этот возвёл внук покойного герцога, Лю Фан, дабы ознаменовать шестидесятилетие своей почтенной бабки, а молились здесь бессмертной деве Хэ Сяньгу.

Братья переступили порог обители. Кругом зеленел бамбук, высились раскидистые деревья, в густой листве заливались птицы, а на дорожки тихо осыпались благоухающие лепестки. Время близилось к полудню, однако все кельи стояли запертыми, и во дворе не было ни души. Делать нечего — братья устроились на отдых в главном храмовом зале неподалёку от ворот, решив дожидаться кого-нибудь из монахов и расспросить о даосе Ванчэне.

Прошёл целый час, но никто так и не появился. Братья начали заметно нервничать: время шло, и они опасались, что если прождут слишком долго, то не успеют вернуться в город до того, как запрут ворота. Наконец, когда они уже совсем извелись от неопределённости, в зал, понуриив голову, вошёл молодой послушник.

Братья поспешили к нему с расспросами. Послушник, однако, лишь развёл руками: Ванчэнь, дескать, ушёл на прогулку вместе с настоятелем. На вопрос, когда они вернутся, малый лишь пожал плечами — может, часа через два, а может, и к вечеру только объявятся. Братьям ничего не оставалось, кроме как усесться обратно на лавку и покорно ждать.

Вскоре скука одолела обоих. Чтобы хоть как-то разогнать тоску, старший брат поднялся размять ноги и сделал пару кругов вокруг алтаря, как вдруг заметил под изваянием одного из архатов какой-то узел. Он осторожно поднял его и поманил младшего рукой.

Братья развязали плотную ткань и так и замерли: внутри лежали тяжёлые слитки серебра — добрых сто лянов! — а рядом поблёскивали золотые и серебряные украшения. Будь на их месте безбилетные бродяги или корыстолюбивые негодяи, они бы давно прибрали богатство к рукам, пока кругом ни души. Но они лишь бережно перевязали узел заново и вернули ему прежний вид.

— Верно, кто-то из паломников в спешке обронил, — рассудил старший.

— Твоя правда, — кивнул младший брат. — Вещь дорогая, пропажа немалая. Представь, каково сейчас хозяину — небось, с ума сходит от горя. Помнишь, как мы сами метались, когда потеряли серебро на похороны батюшки? Давай подождём здесь. Всё равно нам нужно дожидаться даоса Ванчэня, вот заодно и за серебром приглядим.

— Ждать-то мы можем, — засомневался старший. — Но вот вернётся даос, отдадим мы ему узел от господина Цзя, и надо будет спешить назад в Жунфу с докладом. Откуда у нас лишнее время? Если запоздаем, городские ворота запрут, и куковать нам под стенами. Может, лучше отдадим находку здешним монахам?

— Монахам? — возразил младший. — А откуда нам знать, что они не припрячут добро себе? Коль так случится, все наши добрые намерения пойдут прахом, да и перед хозяином серебра грех на душу возьмём. Нет, давай лучше сами подождём ещё немного.

Братья долго спорили, но так ничего и не решили. Наконец старший брат перевёл взгляд на алтарь и заметил стаканчик для гадательных палочек. В его голове созрела мысль.

— А давай-ка спросим у самого Будды! — предложил он.

Опустившись на колени перед величественным изваянием, он дважды поклонился, трижды коснулся лбом пола и мысленно поведал божеству о своих сомнениях. Затем он взял стаканчик, усердно потряс его, пока на каменные плиты с тихим стуком не выпала одна из бамбуковых палочек.

Старший поднял её, и братья склонились над вырезанными иероглифами. То было худшее из предзнаменований:

«Священное предзнаменование: Крах и неволя.

Образ гласит:

Птица в силки по неловкости злой угодила,

Крылья расправит — да взмыть не воротится сила.

Ныне удел твой — блюсти лишь устав и закон,

Тщетно тянуться к вершинам, где свет затенён» □

«Неужто это знамение сулит нам пустые хлопоты и ждать здесь нет никакого проку?» — засомневался старший брат, почувствовав, как внутри всё сжалось от разочарования.

Однако, присмотревшись к мелким иероглифам на обороте, они обнаружили толкование: «Действие рождает силу, дух укрепляется, сердца людей ликуют. Обретёшь желаемое, коль пребудешь в чистоте и не допустишь скверных помыслов. Творящий добро без умысла непременно обретёт награду и призовет благословение небес».

Прочитав эти строки, братья воспрянули духом. Знамение явно предостерегало их от опрометчивых поступков и сулило награду за честность. Стало быть, им следовало хранить чистоту помыслов и запастись терпением.